

26 ИЮН 1965

Известия-приложение, г. Москва

ДЖЕЙМС БОЛДУИН видит Америку глазами писателя и глазами негра, и потому у него чрезвычайно обостренное зрение. Он видит больше и больше страдает: Америка обрушивается на писателя-негра с неимоверной тяжестью. Он родился в Гарлеме в 1924 году. С малых лет в сердце возникло недоумение, когда еще под детски он осознал, что родился негром, «бросовым существом» в мире, разделенном на белых и черных. Недоумение, давившее ребенка, осталось, но с годами его потеснили чувства резче и сильнее: горечь, злость и ненависть, и, видимо, самое ужасное — это чувство бессилия от того, что мир не меняется. Но он не примирился и не сломился. Чувства Джеймса Болдуина перекипели в страсть, не скрытую, отчаявшуюся, безнадежную страсть негритянских блюзов, которые он так любит, а в страсть открытую, дразнящую, непримирившуюся, страсть-вызов, и она выплеснулась, обжигая читателя, на страницы его книг.

Джеймс Болдуин пишет их, чтобы не оставлять в покое, чтобы разбудить совесть Америки.

Три года назад здесь прошумела книга американского журналиста Гриффита «Черный, как я». Журналист проделал сенсационный трюк. Перекрасившись в «негра» с помощью специального состава, он рисковал отправиться на американский Юг, прошел кое-какие круги тамошнего ада, а затем, вернувшись и «отмывшись», достоверно все это описал. Почти тогда же вышла книга Джеймса Болдуина «Пожар — пожар — в следующий раз». Прочитав обе, я понял, что разница не только в степени таланта.

Впервые встретившись с Болдуином на страницах его книг, я побывал

не в коже, а в душе американского негра. Ему не надо было искать правду на Юге. Он пережил многократно больше на Севере, в Нью-Йорке. Болдуин не обведешь вокруг пальца ни американскими мифами, ни документально точными статистическими ежегодниками. Он издевается над официальными и либеральными расчетами типа «как много негров, сравнительно, купили «кадиллаки» в прошлом году и как мало негров, сравнительно, подверглись линчеванию».

Я благодарен этому писателю за то, что он шире приоткрыл мне Нью-Йорк, отдернул занавес над глубиной его расовых и социальных конфликтов. Я видел неприветливых, хмурых негров в «белой» части города — они там не селятся, или, вернее, их там не селят. Болдуин проследил путь негров от истоков, которые совсем недалеко, в Гарлеме: «Они поднимают-

причина того, почему они ходят парами и тройками». Нужно с самого черду врага в этом полицейском, нужно, чтобы он засел у тебя в печенках, нужно долго и зорко разглядывать его. И тогда придет мысль, как прозрение: **«Белый полицейский, стоящий на углу гарлемской улицы, находит себя в самом центре революции, происходящей сейчас в мире. Он не подготовлен к ней...»**

НЬЮ-ЙОРК Джеймса Болдуина — и только ли его Нью-Йорк? — насыщен трагедиями одиночества и отчаяния, населен свирепыми и пустыми лицами, мертвыми глазами бывших людей. Он видит здесь так много насилия, что даже самые знаменитые автомобильные пробки становятся «насилием» легковых автомашин, больших грузовиков, зеленых ав-

громадина моста становится опорой для прыжка на тот свет. Бросаясь в реку, Руфус ожесточенно кричит белому богу: «Ну и хороши, всемогущий сукин сын, я иду к тебе!».

Ида, сестра Руфуса, взрывается монологом о тех, кто «кривляется со всей этой музыкой насчет земли свободных и родины храбрых. И они хотят тебя тоже заставить кривляться под эту музыку, только соблюдать дистанцию. Иногда я хотела бы превратиться в один большой кулак и измолотить эту страну в порошок. Иногда я не верю, что она имеет право существовать». Это слова не пустые, не легкие.

КАК ЧЕРНЫЕ, так и белые герои Болдуина далеко не стерильны — они прошли через грязь или карабкаются в ней, стараясь выбраться и тем отличаясь от живых мертвецов, которые пустились по грязи в

беседников. Но Болдуин не считает нужным скрывать свои взгляды. Он сказал однажды: единственное, что меня устрашает, — это усилие избежать правды. В нашей беседе он был верен себе.

Я долго добивался этого интервью, созванивался не раз с секретарем Болдуина, швейцарским художником Люсьеном Хаппенсбергером. Этот милый человек говорил, что писателю интересно было бы встретиться с советским корреспондентом. Однако мешало вечные разъезды Болдуина в США и за границей. Его время почти поровну делится между Америкой и Западной Европой. В Западной Европе он пишет, его жизнь в литературе, по существу, началась в Париже. Так же, как и у многих американских писателей старшего вымирающего поколения, например, Хемингуэя. Болдуин прожил в Париже восемь лет, по-

кинув Америку, потому что — по собственным его словам — «сомневался в своей способности пережить ярость расовой проблемы». И он покинул Париж уже довольно известным писателем, чтобы включиться в эту «ярость». Порыв к действию проснулся в нем, когда первые круги нынешней негритянской революции стали расходиться от Литтл-Рокка. В книге очерков «Записки родного сына» Болдуин объясняет: «Было легче и достойнее, как не наивно, может, это прозвучит, ехать в Литтл-Рокк, чем сидеть в Европе с американским паспортом, пытаясь объяснить европейцам, что такое Литтл-Рокк».

С тех пор Болдуин окунается со всей страстью в волны борьбы за равноправие негров. Он один из самых

активных участников этой борьбы и, пожалуй, самый пламенный ее трибун. Популярность Болдуина велика. Для радикальной студенческой молодежи он стал кумиром. Эту популярность писатель кладет на алтарь общего дела, обеспечивая своим именем и массовость многих митингов, и успех кампаний по сбору фондов в касорту негритянского движения. Он участвовал в знаменитом «походе на Вашингтон», он гневно клеймит паук-домовладельцев из Гарлема на митингах в Нью-Йорке. Он наезжает и в штаты американского Юга, хотя признает, что это его пугает. «Если ты испуган до смерти, иди навстречу ей», — заявил Болдуин одному американскому журналисту.

Словом, Болдуин не признает писателю, прикрывающихся безопасными раковинами отшельников.

На меня не действует стиль, трюки, красноречие. Самое важное, — не писать хорошо, а жить хорошо.

— Как?
Болдуин отвечает:
— Так, чтобы своим присутствием доказать маленькому негритянскому мальчику, что он существует, доказать, каким он может быть. Негры — это изобретение белых (он имеет в виду то, как многие белые американцы смотрят на негров и даже как кое-кто из негров смотрит на себя). Своей работой я хотел бы добиться, чтобы и негры, и белые избавились от этого изобретения.

БОЛДУИН живет по-цыгански, холост, до недавнего времени, приезжая в Нью-Йорк, останавливался у друзей. Сейчас снял квартиру на углу Вест-Энд авеню и 82-й улицы. Нашел не без труда — ведь белые домовладельцы отказывают и знаменитым неграм.

В квартире чисто, но веет кочевьем. Дверь мне открыла девушка, сестра писателя Глория.

— Из «Известий»? Джимми сейчас выйдет...

Из коридора вышел Джеймс Болдуин, маленький, тщедушный, ловкий в движениях, как танцор. Внешне ничего от борца, трибуна, вития. Но когда он волновался — а волновался он часто, — на темном лице страстно загорались большие, черные, круглые глаза. Мы прошли в кабинет, небольшая комната, заполненную книгами и граммофонными пластинками: негритянская музыка рассказывает ему об истории и душе его народа, в ней он ищет вдохновение, ею сопровождается свои пьесы.

Я передал Болдуину 11-й номер журнала «Иностранная литература» за прошлый год и раскрыл его на странице, где начинался перевод пьесы «Блюз для мистера Чарли».

— Неужели?! — воскликнул он с радостью и удивлением. — Как приятно! Глория, Глория! Мою пьесу напечатали в России.

Болдуин едет в Грецию, где будет работать над новой пьесой «Наша отцы». Действие происходит в Греции, а герои — американцы, среди них атлет негр. Это болдуинская тема: «Реальность, которую мы несем в себе и которую надо переделывать». Я смотрю на пишущую машинку на столе и спрашиваю, почему он не любит работать в Нью-Йорке. Снова резкая нота несогласия с Америкой.

— Чтобы писать, нужно сесть и думать, нужно уяснить, что у тебя в голове, — объясняет Болдуин. — Тут трудно сконцентрироваться. Слишком много напряженности. А кроме того, я нахожу этот город и даже всю эту страну одиноким местом, где очень трудно установить человеческие контакты. А без них писать нельзя. О чем же тогда писать?

Как художник, он продолжает искать себя. Говорит, что из книг сво-

их любит больше всего ту, которую еще не написал. Сейчас поглощен театром.

— Я увлечен театром, хотя не очень люблю бродвейский театр, — говорит Болдуин. — На «Хэлло, Долли!» не могу сидеть до конца («Хэлло, Долли!» — популярная музыкальная комедия на Бродвее).

— Почему?
— Из театра люди должны выходить иными, чем они туда входят. На улицах борются, и зритель должен знать об этом.

С такой задачей он писал «Блюз для мистера Чарли», пьесу, посвященную негру-активисту Медгару Эверсу, личному другу Болдуина, который был убит расистами.

ДЛЯ БОЛДУИНА расизм в Америке и судьба негров — как собственная сердечная боль. Маленький человек с деликатными жестами уже не сидит спокойно на стуле около своего письменного стола. Он вскакивает и меряет комнату шагами, попыхивая сигаретой. Слова льются горячо и искренне, как на исповеди. Он возмущен самой постановкой вопроса о гражданских правах.

— Гражданские права? — его хрипловатый голос набухает и гневом, и сарказмом. — Гражданские права? Это скандал. Вопрос о гражданских правах обсуждается здесь уже столетия. Я знаю, что человек есть человек, но об этом не знают многие в этой стране. Белые не знают, кто есть негры, и потому не знают, кто есть они. В этом смысл «Блюза». Там белый убийца негра является настоящей жертвой. У белых иллюзия, что они могут терроризировать или убить человека из-за цвета кожи. У черных нет иллюзий с детства, они знают, кто белые. Нужно менять действительность.

Наш разговор снова касается литературы, литературы русской. Болдуин

читал всего Достоевского, произведения Толстого, Гоголя, Тургенева, Чехова. Они произвели на него огромное впечатление.

— Хотел бы я тоже так писать когда-нибудь, — мечтательно говорит он.

Достоевский ему ближе всех. И Болдуин принимал нетерпимую болгу за «бедных людей», черных бедных людей. Чехова считает одним из величайших драматургов и не находит слов для восторга о «Трех сестрах». Хотел бы увидеть эту пьесу в постановке МХАТа и думает, что увидит. Он вспоминает, что его приглашали в Советский Союз. Мечтает поехать месяца на два, на три.

Когда я уходил, в соседней комнате во всю работала болдуинская «контора». Глория и белый юноша, по виду студент, отвечали на телефонные звонки, разбирали почту. Токи исходят не только от произведений Джеймса Болдуина, но и от его личных общений, от писем, рассылаемых во множество адресов: помочь внести залог, чтобы выволнить из тюрьмы активистов борьбы за равенство, помочь в организации кампании по регистрации негров избирателями. Помочь... Помочь... Помогая другим, он помогает и себе обрести смысл жизни. Он был жестоко одинок и потому знает цену солидарности. У него есть мечта — писать просто о людях, не делия их на черных и белых, не указывая на цвет кожи. Однако Болдуин не бежит от реальности. Дело в том, что Джеймс Болдуин хочет быть и хорошим писателем, и хорошим человеком. Пример для того негритянский мальчик, которого он здесь за письменным столом помнит в самом себе и мысленно видит по всей Америке. Самое главное, чтобы тот увидел свет в конце длинного темного тоннеля.

С. КОНДРАШОВ,
соб. корр. «Известий».
НЬЮ-ЙОРК. (По телефону).

«НЕ СОГЛАШУСЬ С ЭТОЙ СТРАНОЙ» ЗАМЕТКИ ОБ ОДНОМ АМЕРИКАНСКОМ ПИСАТЕЛЕ

ся утром и едут в Даун-таун на встречу с «человеком». Они работают в мире белого человека весь день и вечером возвращаются домой в этот зловонный квартал. Они борются, чтобы внедрить своим детям какое-то личное чувство чести или достоинства, чтобы помочь ребенку выжить».

Я видел беспокойные пары белых полицейских в Гарлеме. Болдуин вник в эти полицейские: «Под небесами мало вещей более раздражающих, чем молчаливо накопленное презрение и ненависть людей. Поэтому он движется через Гарлем, как солдат-оккупант в жестоко враждебной стране. И это именно так, и в этом

тобусов. Его герои — негры теряют контакт не только с другими людьми, но и с самими собой. В мучительном кошмаре безысходности Руфус Скотт — центральный персонаж романа «Другая страна» — думает о себе: «Может быть, хоть теперь он достал дна. С дном одно хорошо, сказал он себе, ты уже не будешь дальше падать. Он пытался найти успокоение в этой мысли. И все-таки подозрение стучало в его сердце, что дна на самом деле не существует». В начале истории цепочка огней на мосту Вашингтона через Гудзон светится для Руфуса Скотта таинственной надписью на ночном небе. В конце пустая

бессильный дрейф. Его герои мечтают превратиться в «большой кулак». Но писатель беспощаден к их мечтам, он показывает, что кулак сам измолотил их.

Слова Иды Скотт об Америке — это слова самого Джеймса Болдуина. — Это моя страна, и я не оставляю ее. Я даже люблю ее в каком-то любовном плане, — говорил он со страдальческой насмешкой. — Но я никогда не соглашусь с ней!

В последней твердой фразе — убежденность, кредо. Редкий американец, не соглашающийся со своей страной, посмеет так прямо сказать советскому человеку. Он предпочтет других